

Департамент культуры, туризма и охраны объектов культурного наследия Вологодской области

Бюджетное учреждение культуры Вологодской области
«Вологодская областная детская библиотека»

Отдел информационных технологий

«Нам 41-й не забыть, нам 45-й вечно помнить...»

Стихи о войне поэтов-вологжан
для среднего и старшего школьного возраста

Вологда
2014

Начать бы так стихотворенье:
«Я помню чудное мгновенье...»
Но было все совсем не так.

В окопе, перед наступленьем,
курили молча мы табак.
Час оставался до сраженья.
А там (на то она — война!)
кого-то спишет со снабженья
навечно ротный старшина.

Но не об этом, не об этом
все ж думал я...
Меня ждала
в краю, где тихие рассветы,
девчонка нашего села.
Хорошие слова сказала
мне на прощание она...

Вставал рассвет. Грозь обвалом,
плыла над фронтом тишина.
Часы показывали восемь.
Шепча проклятия врагу,
в окоп свалился письмоносец
с тяжелой сумкой на боку.
Конверт мне сунув:
— Не иначе,
как от нее опять, — сказал.
«Любимый мой!» — смеясь и плача
я в первой строчке прочитал.

Но вот за дымным лесом где-то
проснулся гневный бог войны
и в небо красная ракета
взлетела с нашей стороны
Взлетела медленно, тревожно...

Я падал и вставал опять...
Я верил: счастье невозможно
из тысяч пушек расстрелять!
А пули пели. Мимо, мимо!
И мины падали в траву
Я знал, что мне необходимо
Дожить, и верил: доживу!

...Так день за днем...
В огне и дыме
прошла зима, потом весна
Все ж опоздал я... Ты прости мне:
четыре года шла война.

Где ты теперь? Кто мне расскажет
А впрочем, это все равно:
я позабыл тебя. И даже
все письма сжег давным-давно
Забыл. Пришла пора иная...
Но я себе напрасно лгу:
я, о тебе не вспоминая,
о прошлом думать не могу.

Ведь ты со мною в дни ненастья
была на линии огня...
А это... это было счастьем,
по крайней мере для меня!

Сергей Викулов

Парад Победы

Такое Площадь знала лишь однажды,
однажды только видела Земля:
солдаты волокли знамена вражьи,
чтоб бросить их к подножию Кремля.

Они, свисая, пыль мели с брусчатки.
А воины, в сиянии погон,

все били, били в черные их складки
надраенным кирзовым сапогом.

Молчала Площадь. Только барабаны
гремели. И еще — шаги, шаги...
Вот что такое «русские Иваны» —
взгляните и запомните, враги!

Вы в них стреляли?
Да, вы в них стреляли!
И жгли в печах?
Да, вы их жгли в печах!
Да только зря: они не умирали,
лишь молний прибавлялось в их очах!

«На-а-пра-во!» — и с размаху о брусчатку
и свастику, и хищного орла.
Вот так! России бросили перчатку —
Россия ту перчатку подняла!

И видели, кто был в тот день в столице,
на Площади: она, лицом строга,
подняв венец
и меч зажав в деснице,
прошла по стягам брошенным врага!

Виктор Коротаев

Ее детей убили на войне,
Здоровых,
жизнерадостных,
красивых.
С тех пор она живет как бы во сне,
И люди разбудить ее не в силах.
Она встает,
пока не рассвело,
Каким-то важным занятая делом,
И, торопясь, уходит за село,

Серьезная,
С лицом окаменелым.
Ее встречают жители села
То в поле,
То в лесу,
То на кладбище...
Она все эти годы
 что-то ищет,
Хоть ничего ни разу не нашла.
И, выдержав ее тяжелый взгляд,
Ей улыбнутся женщины со вздохом:
«Как нынче потрудились?» —
 говорят.
Она кивает сдержанно:
 «Неплохо».
А лишь начнет холодный ветер выть
— Бабенки
С немудреной снедью в блюде
К ней зачастят:
Печурку потопить
Да покормить,
А то сама забудет...
Все кажется им,
 меченным бедой:
Какая-то неведомая сила
За всех одной —
Почти самой святой —
Так тяжело отстрадать постановила.
Они ожгут крапивой забияк,
Что вздумают потешиться над старой,
И припугнут, беспутных, божьей карой,
И съежатся нутром,
 представив, как
Одна
Вдали от дома своего
Все ходит, ходит женщина седая,
Все ищет, ищет, бедная, чего,
Быть может, и в природе не бывает...

Юрий Леднев

Баллада о горсти земли

Пройдя все горести и беды,
сержант не дожил до победы.
В германском маленьком селе,
ведя в резерв остатки роты,
он наскочил на пулеметы и на чужой упал земле.
И от российских мест вдали
его бойцы с ним полегли.
Он умер, в небо голубое
поднявши виноватый взор.
А в час затишья мародер
пришел на это поле боя.
И зря.
Богатство у солдат —
в сердцах.
А их сердца молчат.
Но зверь не отступал от цели:
«Добыча будет — погоди!» —
и у сержантовой шинели
рванул застёжки на груди.
И с гимнастеркой сладил ловко.
Под гимнастеркою — бечевка,
На ней — тряпичный узелок.
А в нем... а в нем — земли комок.

Земля и прелая трава...
И, на ладонь уставясь тупо,
безродный вор стоял над трупом,
быть может, час, быть может, — два.
Потом он узел затянул
и «клад» хозяину вернул.
О чем он думал?
Что он понял?
Ни слова он не проронил.
С земли лопату чью-то поднял
и павшего похоронил...

С Востока веяло весной.

С Востока мир вставал над веком.
Зверь становился человеком.
А две земли – Землей одной.

Юрий Максин

Я плачу, глядя фильмы о войне.
И ничего тут пояснять не надо.
Отцова кровь на поле Сталинграда,
отцова кровь на огненной дуге.
И та же кровь с осколком от снаряда
и пулевым свинцом течет во мне.
Ей о войне рассказывать не надо,
она сама расскажет о войне.

Юрий Максин

Сталинградская полоска

Бой кипел на узенькой полоске —
на земле, что в плоть и кровь вошла...
До сих пор рождает отголоски
в русском сердце памяти стрела.

И опять слеза глаза туманит
и кривит тупым оскалом рот.
На полоске ярость танк таранит,
на полоске страшный бой идет.

Этот бой спустя десятилетия
вечным сном нам не дает заснуть.
И боюсь, очнувшись, не успеть я
на кровавый, но священный путь.

Смертная полоска устояла,
поднялась, пошла, врагов круша.
Вместе с ней до боли трепетала
и моя, за Родину, душа.

Андрей Осминин

1943 год

Морская пехота
Вгрызается в мокрый песок.
За ротою рота,
Соленых бушлатов поток.
Братва удалая,
Полундра, разрывы и дым.
Но мины взметають
Понтоны один за другим.

Анапские пляжи —
Блаженное место земли.
Бессмысленно страшен
Десант, по колено в крови.
За ротою рота,
За часом медлительный час.
Мы лезем на доты.
Ну кто же отменит приказ?

И будет царапать,
И биться кошмаром во сне
Анапа, Анапа...
Морская пехота в огне.

Сергей Орлов

Коль будет трудно, я приду туда,
В ту рощу забинтованных березок,
Где спит в воронках рыжая вода
И черный танк в огне заката розов,
Пять лет прошло, а танк еще горит,
Трещат сухие сучья, как патроны,
И столб багровый северной зари
Стоит над башней черной, опаленной,
Я в ней горел, искал рукою люк,
Срывал одежду на снегу горячем,
Здесь мой солдат, мой закадычный друг

Стрелял из пулемета наудачу.
Да, я приду, и я опять смогу,
Коль с ног собьет, подняться в рост в ненастье,
Последнюю гранату — по врагу,
И словно в жизни пробиваться к счастью.

Сергей Орлов

Когда на фронте наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха
В истлевших гимнастерках и пилотках
Они встают, беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых
Бессонных у замолкнувших орудий,
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат все живые люди.

Их вдаль ведет извечная тоска
К жилищам мирным, к отческому дому
Они спешат, дорога далека,
По перелескам темным, незнакомым.

Но их в пути вдруг застаёт рассвет,
Петуший голос на краю России,
И на восток пути им больше нет
Через поля широкие, пустые.

Тогда спешат они к своим местам
В безвестные холодные могилы,
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать

По тропам тайным в то село родное,
Проснется ночью старенькая мать,
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго,
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,
В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края,
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по полям летая.

Сергей Орлов

Отдых

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,

Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,
И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы.

Николай Рубцов

Герой

Снова к горлу приставив штык,
Продолжает фашист допрос.
Снова в этот жестокий миг,
Стиснув зубы, молчит матрос!
Скрывший волей жестокость мук
Взгляд лишь ненависть означал,
И, не выдержав взгляда, вдруг:
— Сжечь его! — фашист закричал.
...Злые тени сползали с крыш,
Мгла моталась во все края.
Гневный голос прорезал тишь:
— Отомстите... друзья!
И когда моряки в село
Ворвались сквозь огонь и смерть,
О, как яростно и тяжело
На врагов обрушилась месть!
Горько было: погиб герой.
И по-воински как с родным,
С обнаженной головой
Каждый молча простился с ним.
Все друзьям рассказал о нем
Лучше слов и любых примет

Обожженный с краев огнем
Комсомольский его билет!
Над могилою у берез,
Где так ласков русский пейзаж,
Баянист, не скрывая слез,
Сыграл похоронный марш!
А когда, будто кровь с земли,
Встало утро в красных лучах,
Моряки из села ушли
С пулеметами на плечах.
Плакал ветер над пеплом нив,
А матросы спешили в бой
С гневным сердцем. Каждый
из них
Был таким же, как тот герой.

Ольга Фокина

На Пискаревском кладбище

У входа на кладбище — Вечный Огонь
По белому снегу распластан.
Я робко ему протянула ладонь,
Сказала негромкое: «Здравствуй».
И бледного пламени жадный язык,
Как волю почуявший пленник,
Рванулся навстречу, к ладони приник,
Качнулся — и пал на колени.
Змеилась поземка над зыбью могил,
Коробили скорбные звуки.
И сполох догадки мой ум озарил,
Как пламя — озябшие руки.
Кольнув, пробежал по спине холодок...
О, пламя с глазами страдальца!
Я вижу в тебе золотой завиток,
Вконец исхудавшие пальцы,
Я вижу глубокие впадины щек,
Огромные кости суставов,
Я вижу их — живших, не живших

еще,
Которых в ту зиму не стало.
...Пришли экскурсанты. Уютным кольцом
От ветра Огонь заслонили,
И он присмирел с просветленным лицом,
Как будто его подменили.
Как ровно, как ласково он трепетал!
Как ясно заглядывал в души!
И словно бы наши черты обретал,
По-нашему сдержанно слушал.
Но — время...
О, как он рванулся всугонь!
Как начал по снегу метаться!
...Нам тоже, нам тоже, товарищ Огонь,
Непросто с тобой расставаться.

Александр Яшин

В годы Великой Отечественной войны ушёл добровольцем на фронт и в качестве военного корреспондента и политработника участвовал в обороне Ленинграда и Сталинграда, в освобождении Крыма. В 1942—1943 годах изданы его сборники стихов «На Балтике было» и «Город гнева».

Баллада о танке

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.
Крича, строча из автоматов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.
Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,

Он заревел, что было силы;
Налег на цель и поволок.
Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...
Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?
Едва из топкого болота
Наш танк втянули на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.
Взгремев утробой железной,
Рванулся танк. Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим — он в ров безлесный
Пошел по травам, гром стеля.
Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол, —
Он сам уже врага повел! —
На третьей скорости, На пятой,
На двадцать пятой он пошел.
Казалось, ветер в поле стих.
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховой,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
 оживу.

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, —
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,

Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня.

Александр Яшин

Канавы

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров — скорей, канаву,
Неширокую, в цветах
Затерявшуюся где-то,
Справа — в соснах и кустах,
Слева — в сизых волнах света.
Хоть на вид она чиста —
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа —
Не коси, сломаешь косу.
Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесь,
И снарядные осколки.
В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела.
И трава не уродилась.
Над канавою постой.
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.
Может быть, еще огонь

В этой ржавчине таится.
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.
Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?
И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?..

Александр Яшин

Обстрел

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу, на мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк —
Атланты грохнулись у тротуара;
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг.
Труба печная подняла кулак,
Грозя врагам неотвратимой карой.

Еще один — в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар.
Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутясь?..
Враги из дальнобойных бьют орудий.
Смятенья в нашем городе не будет:
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

Не умру

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,
И ни стонать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизной
Откуда ни возмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.
Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...
Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос.
Раздольный звон бубенчиков услышал...
Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.
Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!
Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.
А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами.
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам: Не умру!

Высота

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы —
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чёбра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили,—
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

Использованная литература

Память поколений : стихотворения вологодских поэтов. – Вологда, 2005. – С. 58.

Леднев Ю. Сон на заре / Ю. Леднев. Архангельск, - 1988. – 79 с.

Яшин А. Баллада о танке / А Яшин. - М., 1987. – 19 с.

12+

Сост., компьютерный набор: Е.Ю. Истратова, зав. отделом ИТ;

Редактор: Е.Б. Резванцева, редактор отдела ИТ;

Ответственный за выпуск: О.А. Смирнова, и.о. директора ВОДБ.